

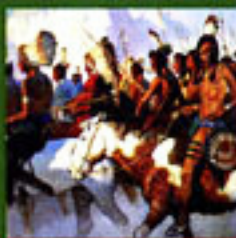

Морис Дэйви

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЙН

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Морис Дэйви

Эволюция войн

«Центрполиграф»

Дэйви М.

Эволюция войн / М. Дэйви — «Центрполиграф»,

В своей книге Морис Дэйви вскрывает психологические, социальные и национальные причины военных конфликтов на заре цивилизации. Автор объясняет сущность межплеменных распрей. Рассказывает, как различия физиологии и психологии полов провоцируют войны. Отчего одни народы воинственнее других и существует ли объяснение известного факта, что в одних регионах царит мир, тогда как в других нескончаемы столкновения. Как повлияло на характер конфликтов совершенствование оружия. Каковы первопричины каннибализма, рабства и кровной мести. В чем состоит религиозная подоплека войн. Где и почему была популярна охота за головами. Как велись войны за власть. И наконец, как войны сказались на развитии общества.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Морис Дэйви

Эволюция войн

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ

С ранних времен до настоящего времени человек всегда сражался и всегда использовал оружие, естественное (камни, палки, дубины и т. д.) или созданное специально самим человеком, для решения возникавших конфликтов. Среди многих других свидетельств в пользу данного утверждения говорит история, зафиксированная в письменном виде, которая убедительно показывает чрезвычайную степень занятости человека военным делом. Другое свидетельство – традиция, возникшая еще в те времена, когда письменность была неизвестна, традиция наполовину мифическая, но при этом наполовину историческая – смесь реальной исторической памяти и мифических сказок. Сравнительное изучение мифологии дает множество бесспорных фактов о жизни древних людей. По словам Тайлора (Tylor – Тайлор (или Тэйлор) Эдуард Бернетт, 1832 – 1917, британский исследователь первобытной культуры, этнограф. – *Ред.*), «то, о чем говорит поэт, может быть неправдой, но то, о чем он упоминает, вполне может быть историей». Принимая во внимание это различие между сюжетом и реальностью, многие авторы воссоздали для нас образ жизни древнего человека. Мифы наполнены описаниями войн и сверхчеловеческих подвигов героев, и именно война представляет собой, согласно мифам, главный интерес в жизни. Несмотря на то что к описываемым в мифах событиям стоит относиться критически, присущие им детали, такие как оружие, методы ведения войны и тому подобное – данные, которые больше относятся к реальности, чем непосредственно к сюжету, – дают нам бесценную информацию.

Другим источником информации являются данные, полученные путем изучения этнологии (этнографии) – обычаев, верований и образа жизни – одним словом, культуры, – менее развитых рас прошлого и настоящего, неспособных самостоятельно оставить о себе письменные свидетельства. Несмотря на то что практика своего рода ограничения этнологии как науки, изучающей только наиболее неразвитые и грубые культурные сообщества, не владеющие письменностью, может быть в какой-то степени нелогичной и искусственной, она служит многим практическим целям. Этот источник информации очень ценен и важен для любого социологического исследования, так как он обеспечивает «отдаленность» (то есть взгляд со стороны) и «беспристрастность». Обычаи и, более того, природа нецивилизованных народов могут быть объективно исследованы и даже проанализированы на таком уровне, на котором наша культура изучена быть не может, так как мы одновременно выступаем в роли и исследователей, и исследуемых. Более того, поскольку первобытное состояние человечества было образцом абсолютного варварства, в процессе ухода от которого развивались некоторые народы, изучение менее цивилизованных племен представляет собой особую ценность; оно раскрывает сущность социальных факторов в своих элементарных и примитивных формах и является основой научного исследования, свободного от предрассудков, моральных оценок и суждений, принимаемых априори. Как говорит об этом Висслер: «Одним из главных преимуществ удаленного изучения разных народов является достижение перспективы, или широкого горизонта, который позволяет увидеть нашу собственную культуру изнутри». Существовавшая прежде концепция, что дикость – это проявление дегенерации золотого века более развитых цивилизаций, была убедительно опровергнута Лайелем (Лайель Чарлз, 1797 – 1875, выдающийся британский естествоиспытатель. – *Ред.*), Тайлором (Тэйлором) и Лаббоком. Несмотря на то что примеры обратного развития народов имеют место, существующие ныне дикие народы не являются потомками более цивилизованных предков. На самом деле культура – это феномен, охватывающий весь мир и «достаточно наивное деление, которое обычно проводится между примитивными культурами и исторически сформировавшимися нациями, довольно условно, так как все

реальные характеристики феномена не являются абсолютно объективными». «Кто, – спрашивает Голденвейзер (представитель так называемой американской антропологической школы. – *Ред.*), – может сказать нам, где заканчивается цивилизация и начинается натура человека и что останется от человека, если цивилизация исчезнет?» Липперт (Липперт Юлиус, 1839 – 1909, австрийский историк и этнограф. – *Ред.*) говорит о пользе этнологического метода в процессе изучения эволюции общества следующее: «Когда мы видим возникновение в одной группе обычая как продукта известных факторов, но в то же время видим также, что этот обычай существовал в другой группе с доисторических времен, мы можем дополнить предысторию последней на основе наших знаний о предыдущей. Универсальность этого метода дает нам уверенность, что мы не сможем применить его ошибочно. Так как большая часть этой книги относится к примитивным (первобытным) методам ведения войны, на данный момент будет достаточно отметить, вслед за Спенсером (также представитель американской антропологической школы), что «главным занятием эпох дикости и варварства являлись войны».

Археология делает возможным реконструкцию еще более ранней стадии эволюции общества, чем та, которая характеризуется существованием диких племен, и найти еще более первобытные следы военного дела. Данные об этом существуют преимущественно в форме остатков материальной культуры. Это особенно важно, так как «мы не можем обладать более достоверными свидетельствами существования человека, чем те вещи, которые он сам непосредственно обработал, придал им форму и использовал». Практически все остальное, за исключением некоторых образцов наскальной живописи и небольшого числа человеческих останков, давным-давно исчезло. Несмотря на то что первобытные люди почти не оставили свидетельств о том, как именно велись войны в то время, они оставили после себя оружие, что свидетельствует о том, что люди сражались и что они не были слабыми противниками.

Использование оружия было для первобытного человека естественным, так как помимо необходимости добывать пропитание его величайшей заботой была самозащита. «Первобытные люди должны были отгонять диких зверей, которые на них нападали, и, в свою очередь, убивать этих зверей. Но самыми страшными врагами первобытных людей, в свою очередь, были представители их же биологического вида. Таким образом, на этой, самой низкой из известных ступеней развития цивилизации, войны уже начались, и человек сражался с человеком, используя те же самые палицу (дубину), копье и лук, которые он использовал против диких зверей. Самыми ранними видами оружия были, несомненно, случайно подобранные палка или камень, использовавшиеся при необходимости. Мы должны признать, что первобытный человек пошел на этот шаг в целях самозащиты, так как даже обезьяны-приматы используют палки и бросают камни в тех, кто вторгается в их жизнь. «При этом кажется, что предшественник человека, живший в эпоху плейстоцена, если он хотя бы немного опережал в развитии современных шимпанзе, не должен был испытывать особенных затруднений, когда он пересек своего рода «границу» и превратился собственно в человека, вооружив себя следующим оружием: грубыми деревянными дубинками, частично для метания, частично для удара рукой, пиками и копьями, первоначально бамбуковыми, а позднее делавшимися из обожженного на огне дерева... Он также мог использовать метательные камни. К сожалению, если читатель посмотрит на этот список, он поймет, что спустя тысячи лет единственным орудием, которое могло бы быть узнано, остается камень. Все остальное имеет непродолжительную жизнь и должно было исчезнуть, не оставив и следа от того, чем в реальности был вооружен доисторический человек».

Случайно подобранный камень представлял собой как эффективный метательный снаряд, так и приспособление, которым можно было наносить удары, и таким примитивным способом камень и сегодня используется многими дикими племенами. Когда человек узнал о возможности обработки камня и придания определенной формы своему инвентарю, он стал обладать сравнительно лучшим оружием и превратился в более опасного бойца. Наиболее

удобным для применения камнем благодаря своей прочности и структуре был кремень. Примитивными людьми использовались также другие камни, а также рога и кости животных. Для ясности можно сказать, что в этой зачаточной культуре практически не существовало дифференциации орудий, и любой созданный человеком предмет использовался в двух целях – и как оружие, и как орудие труда. Среди находок палеолита, или так называемого раннего каменного века, есть такие, которые могли использоваться в качестве оружия. Среди них могут быть упомянуты следующие: каменные колуны и ножи, клинки, созданные из рогов северного оленя, костей или кремня; острия пик из кремня, рога, серпентина, кварца и других материалов, даже из «балас» (метательное приспособление для ловли скота). Во времена палеолита, несмотря на распространенное ранее мнение, лук и топор не были известны. Многие из перечисленных орудий, несомненно, могли применяться и для невоенных целей, так как четкой специализации не существовало.

Боевые палицы, вероятно, были одним из самых ранних видов оружия, но по той причине, что делались они из дерева, следов их практически не осталось. Вряд ли сегодня найдется хоть одно дикое племя, которое не использовало или до сих пор не использует дубинки в качестве оружия, поэтому мы смело можем утверждать, что человек времен палеолита пользовался похожими орудиями. Они использовались и в вооружении воинов древних цивилизаций, а применение палиц продолжалось и в средневековой Европе, когда рыцари все еще разбивали шлемы (и головы) противников своими булавами.

Неолит, или новый каменный век, характеризовался значительным развитием в области обработки камня. Для него свойственно использование техники шлифования и полирования камня, что обеспечило изготовление более острого и прямого края, а также появление новых орудий. Во времена палеолита полировка, в тех редких случаях, когда она вообще использовалась, не была частью процесса по приданию необходимой формы, как это стало в период неолита. При этом, даже в более поздний период, новая техника применялась только в отношении определенных орудий, в первую очередь различных видов топоров. Кинжал из кремня – «истинный шедевр неолитического искусства» – оружие, очевидно создававшееся именно для использования в военных целях и являвшееся прямым предшественником меча, всегда вырубалось из камня, а не создавалось путем полировки. В этот период был создан и совершенствовался топор из кремня, появились лук и стрелы, и несомненным предвестником их появления были каменные и костяные наконечники. В приозерных поселениях Швейцарии, Северной Италии и других стран находят пики и копья из кремня и кости, наконечники из кости, кремня и других материалов, боевые топоры из серпентина, кремневые топоры и ножи – все созданные с применением техники неолита. Среди доисторических реликвий, найденных в Японии, – каменные мечи и кинжалы, наконечники стрел и копий, а также щиты. Не только в Японии, но и в Индии, Китае, Сирии и у каждой европейской страны был свой каменный век, хотя в музеях Лондона и Берлина хранится большое число каменных орудий из Месопотамии и Египта. Каменный век у многих арийских племен длился и в исторически познаваемые времена, а многочисленные дикие племена наших дней находятся примерно на таком же уровне развития.

Первобытному человеку было известно, что такое война, и этот факт подтверждается также его выбором селиться общинами – из-за возможности защиты, которую предоставляли такие общины, а также укреплениями, которые он возводил. Во времена неолита деревенские поселения, взаимодействовавшие друг с другом, были более или менее тесно раскинуты, как сеть, по всей Европе и, возможно, по всей Африке, а укрепления, возведенные на воде и на земле, свидетельствуют о небезопасности тогдашней жизни. Лучшим примером подобных поселений могут быть озерные деревни (свайные постройки) в Швейцарии, хотя похожие большие поселения были найдены также в Италии, Германии, Австрии, Франции и во многих других местах. Они были построены главным образом для защиты от врагов и хищных живот-

ных, и об их ценности для решения таких задач можно судить по тому, как подобные типы больших поселений распространены у диких племен и в настоящий момент.

Среди доисторических укреплений называют баррикады, сделанные из стволов и ветвей деревьев, ограды или заграждения, а также стены из земли и камня. В ранней истории Америки наиболее распространенным типом фортификаций, как становится известно по остаткам, найденным в холмистой части США, видимо, являлась так называемая «крепость на холме», где защитные стены из земли и камня окружали вершину горы или холма или ограничивали возвышенную местность, как в форте Эншент, штат Огайо. В высокогорных районах Западной Шотландии найдены «стекловидные крепости», которые также могут быть включены в число неолитических укреплений. Предполагается, что при их возведении дерево вставлялось между каменными блоками и поджигалось, после чего камень частично плавился, превращаясь в твердую стеклообразную массу. Похожие сооружения были найдены в Богемии (Чехия), Бельгии, Бретани и Нормандии (во Франции) и Лужице (Восточная Германия). В Дании Мейснером были найдены остатки доисторических крепостей, более старые – без рвов, более поздние – уже со рвами. Древнее укрепление удивительной сохранности и прочности было найдено в Корее. Подобные остатки откапываются из земли повсеместно, и все они становятся немymi свидетелями дней борьбы и войн, о которых у нас нет иных данных.

Так называемый бронзовый век в некоторых местах пришел на смену каменному веку и внес в инструменты войны множество доработок. Человек узнал, что такое металл, – это факт, который Шредер считает одним из поворотных моментов в человеческой истории. С приходом бронзового оружия наступило время настоящих боевых действий, потому что, как говорит Элиот, отполированные каменные орудия могут быть полезны при строительстве пирамид и дольменов, но не для ведения войны. С открытием бронзы война приняла более современный характер. Тот же автор утверждает, что изобретение бронзовых топоров, кинжалов и мечей изменило историю Европы. В Египте «гиксосы, должно быть, приобрели немало выгод благодаря успеху своих бронзовых мечей».

Ценность бронзы кроется в том, что этот металл делал оружие более прочным, позволял получать более острое и длинное лезвие. Медные орудия использовались и раньше, но бронза превосходила медь, так как была более прочной и податливой для обработки (прежде всего литья. – *Ред.*). Большое количество бронзового оружия (например, топоры, кинжалы, наконечники стрел и дротики) было преимущественно усовершенствованными вариантами форм существовавших ранее орудий из кости и камня. Это типичный пример культурной инертности – тенденции к сохранению культурных форм. Бронзовый боевой топор, однако, представлял собой новую отправную точку. У него было три основных формы: кельт, разновидность ножа, и собственно боевой топор. Кельт использовался в ближнем бою и для метания. Второй вид топора, известный как фремея, был старейшим видом оружия древних германцев. Разновидность простого топора, использовавшаяся также и в ближнем бою, и для метания, – франциска, ужасное оружие франков. Также в этот период появляются и мечи. Йенц считает, что это был первый тип оружия, предназначенного исключительно для войны. Он прослеживает эволюцию меча от ножа, но, согласно Дешелету (Дешелет Жозеф, 1862 – 1914, французский археолог, автор труда «Руководство по археологии первобытной, кельтской и галло-римской» (1908 – 1914). – *Ред.*), «первые мечи бронзового века были всего лишь кинжалами, лезвия которых, в соответствии с постоянным развитием металлообработки, постепенно становились длиннее». Бронзовые кинжалы находят во многих местах, а в Швейцарии, Японии и везде, где было раскопано большое количество образцов бронзовых мечей, прослеживается связь между обоюдоострым кинжалом и мечом. Непосредственно перед началом «галыштатского» периода наиболее распространенным видом оружия становится меч с лезвием в форме листа, сочетающий в себе преимущества колющего и рубящего оружия. Майрс так описывает его: «Его длинное широкое лезвие, использующее полную длину рукояти и усиленное боковыми краями, обеспе-

чивало устойчивость перекладины, что являлось ранее самым уязвимым местом у мечей более раннего времени. Его широкое распространение на юго-востоке, в Египте, наряду с другими среднеевропейскими типами, которые относятся к периоду великих морских набегов около 1200 года до н. э.; на Кипре, где было налажено местное производство, а также далеко на западе, в Испании и Ирландии, – является лучшим доказательством его эффективности как оружия. От него пошли не только собственно «галыштатские» мечи X, IX и VIII веков до н. э., но и мечи классической эпохи Греции и, косвенно, более короткие испанские мечи, которые впоследствии переняли римляне». Вместе с бронзовыми мечами появились также такие аксессуары и такие понятия, как ножны, оковка ножен, перекрестье рукояти и навершие рукояти.

Защитное вооружение, несомненно, появилось намного раньше, но, поскольку оно, видимо, делалось из кожи, дерева или волокна, следов его практически не осталось. Камень объективно не подходил для подобных целей, поэтому мы не находим следов защитного вооружения, произведенного ранее, чем в бронзовом веке. Дешелет дает большой обзор бронзовых шлемов, панцирей, небольших щитов, наручей и т. д. Мунро находил бронзовые шлемы, наручи и поножи в древних захоронениях в Японии. Согласно Маккерди, бронзовый (окованный бронзой. – *Ред.*) щит широко использовался на Британских островах и в Скандинавии.

Использование железа позволило получить другое огромное преимущество: железные клинки стали длиннее и прочнее. Следует понимать, что не все народы обязательно должны были пройти три стадии: камня, бронзы и железа, как это, согласно археологическим данным, было в Европе. К примеру, в Африке железный век наступил сразу вслед за каменным.

В античный период, в эпоху господства «листовидных» мечей, бронза начала уступать свои позиции железу в качестве основного материала для производства рубящего оружия. «Пока не были исследованы некоторые высокоразвитые поселения в Малой Азии и на севере Сирии, невозможно было достичь абсолютной точности в воссоздании основных моментов истории нового металла, но благодаря доступным в наши дни фрагментам такие выводы, кажется, могут быть сделаны. В Египте первое, вероятно, случайное знакомство с железом произошло в позднее додинастическое время. В эпоху правления Девятнадцатой династии (XIV – XIII века до н. э.) железо начали получать из Сирии (подчинявшейся Хеттскому царству, где и производилось железо начиная с XVII в. до н. э. – *Ред.*) как драгоценный металл в виде дани (или подарков). Широкое же распространение железа в Египте началось только в греческие времена. В древнем Вавилоне железа не знали, и, хотя есть следы использования железа в Ассирии начиная с XIII века до н. э., индустрии по обработке железа там не было до поздних времен (это железо также было хеттским. – *Ред.*). Железо производилось главным образом в высокогорном районе Коммагены между Северной Сирией и Малой Азией (то есть на востоке Хеттского царства). Согласно литературным источникам, в Палестине железо использовалось уже в XI столетии, железное оружие появляется в Лахише и других палестинских поселениях со времен морских набегов в начале XII века (прихода обладавших железными орудиями и технологией производства железа индоевропейских народов моря, в данном случае филистимлян, от которых железные орудия попадали к семитам Ханаана, в частности евреям. – *Ред.*). На север Сирии культура железа пришла с северо-запада в XII веке, и в то же самое время, после крушения Микенской морской цивилизации (а также микенской Греции) и одной из древних сухопутных держав в Малой Азии (Хеттское царство. – *Ред.*), павших под ударами примерно равных по силам врагов, пришедших из глубины Европейского континента, железное оружие внезапно становится широко распространено на Кипре. <...> На севере «листовидные» мечи обычно делались из бронзы, железо стало использоваться здесь только в «галыштатский» период, а доминировать над бронзой оно стало только в конце этого периода. Это произошло в конце XII века до н. э., позже, чем в Греции и на Кипре, где «листовидные» мечи из железа были уже распространены. В поэмах Гомера присутствуют ссылки на использование железа и как ценной редкости, и в его более позднем качестве – как основного сырья

для производства инструментов и оружия, однако в его произведениях отсутствуют указания на соответствующие даты. Существование большого центра по обработке железа в Норики, платившего древнюю дань бронзой, не подлежит сомнению. Может быть, именно отсюда во время морских набегов (вторжений народов моря), принесших знание об обработке железа с севера через Эгейское и Адриатическое моря, железные «листовидные» мечи стали известны и на Кипре. Правда, в настоящее время более вероятным кажется северо-сирийский источник происхождения знания о железе, с учетом возможности того, что он мог быть также связан с неким центром рядом с Тавридой (Крымом), по аналогии с народом халибов в северо-восточной части Малой Азии, откуда греки переняли улучшенное качество стали».

Главными видами оружия античных времен были мечи, кинжалы, а также наконечники стрел, копий и алебард (среди наступательного оружия), металлическими были также рукояти и крестовины (перекрестья) мечей (помимо клинков), броня и шлемы в числе изделий, предназначенных для защиты воинов. Когда железное оружие вошло в обиход, военное дело стало более серьезным, а войны – более частыми, чем когда-либо до этого. Железный меч стал типичным оружием. Действительно, замечает Шредер, поэты тех времен не были голословны, называя войну порождением железного века, хотя ближе к истине то, что война – это принадлежность всех эпох.

Глава 2

ВОЙНА И БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Война универсальна. Она затронула каждый участок земной поверхности, где человек вступал в контакт или конфликт с другим человеком. Убедительные данные в подтверждение факта доминирования войны во все исторические времена были представлены Новиковым, который, используя различные источники, пришел к выводу, что «с 1496 года до н. э. по 1861 год н. э., за 3357 лет, было всего лишь 227 лет мира и 3130 лет войны, или, другими словами, на один мирный год приходится 13 военных лет. За последние три века в Европе было 286 войн. С 1500 года до н. э. по 1860 год н. э. действие свыше 8000 мирных договоров было прекращено, хотя они должны были оставаться в силе еще долгое время. Среднее время их действия составило 2 года». С ростом человеческого населения и развитием цивилизации войны вовлекали все большие группы людей и приносили все большие разрушения. Наше поколение только что стало свидетелем самой большой бойни, принесшей человеческому роду такие разрушения, которые вряд ли кто мог раньше себе представить (речь идет о Первой мировой войне. – *Ред.*). Совершенно уместно спросить: каковы причины такого рода действий? Почему история человечества настолько кровава? Есть ли у человечества надежда на будущее? Хочется верить, что ответы на эти вопросы могут быть найдены. Первым шагом к этому должно стать изучение войны в ее наиболее примитивных формах.

Раз феномен войны столь фундаментален, объяснения ему следует искать в самих условиях жизни. Одним из таких условий является земля (жизненное пространство), так как именно из земли добываются все средства к существованию. Человек должен сражаться за жизнь, так как не существовало и не существует никаких «даров природы» или «праздника жизни». Человека на земле не ждали ни подарки, ни животные в неограниченном количестве, природа не встретила человечество простотой и изобилием. Наоборот, природа с самого начала стала для человека «тяжелой на руку мачехой», которая делилась только тем, что у нее отнимали. Все доступные нам факты подтверждают, что все блага цивилизации приобретены человеком тяжелым трудом, жертвами и кровью.

Поначалу борьба за средства к существованию была чрезвычайно тяжелой. Человек был во многом неполноценен, так как он не обладал никакими орудиями и умениями: он пришел в этот мир обнаженным. Но у первобытного человека были руки, а главное – более развитый, чем у остальных животных, мозг, и человек придал форму первым грубым каменным орудиям. Со временем, путем проб и ошибок, человек стал обладателем улучшенных инструментов, с помощью которых он смог добывать из земли больше. С одной стороны, борьба за жизнь стала проще. Однако это послабление всегда ограничивалось другим основным условием жизни – количеством людей, которых необходимо было обеспечивать с помощью добытых ресурсов, иными словами, населением.

Чем большее количество людей должно обеспечиваться средствами для жизни на определенном уровне развития на данной территории, тем жестче борьба за жизнь, так как большее число ртов должно быть накормлено ограниченным (продуктивностью конкретной территории) количеством еды. Борьба усиливается также из-за того, что рост числа населения превышает рост добычи средств проживания. Как-то было сказано, что целью природы, очевидно, являлось покрытие земли как можно большим слоем протоплазмы. Мальтус был одним из первых, кто обратил внимание на две противоборствующие в природе силы, и он выразил это следующим образом: средства к существованию возрастают в лучшем случае в арифметической прогрессии, в то время как количество населения имеет тенденцию увеличиваться в геометрической; таким образом, рост населения опережает рост средств к проживанию и

постоянно требует их увеличения. Его оценка двух степеней роста была неверной, но в целом бесспорно утверждение Мальтуса, что плодovitость человеческого рода такова, что в случае отсутствия какого-либо контроля над рождаемостью количество людей быстро достигает предельного уровня обеспечения едой и удерживается в этих рамках сочетанием факторов смертности и голода.

Рост населения тем не менее ограничен действием другого фактора – уровня жизни. Уровень жизни – это степень комфорта и роскоши, присущая определенной группе, каждое усилие которой направлено на достижение этого уровня. Отсюда идет тенденция к регулированию роста населения такими способами, как, например, отсроченный брак, целибат и умышленное ограничение рождаемости. Борьба тем не менее все равно продолжается, так как, как сказал Самнер, этот мир всегда будет связан с тяжелым трудом и самоотречением, потому что «двое не могут есть один и тот же кусок хлеба». Изменилась всего лишь форма: на смену борьбы за выживание у многих народов пришла борьба за лучший уровень жизни. Уровень жизни – фактор, который должен рассматриваться в отношении количества населения к занимаемой ими площади. Это соотношение может быть сформулировано следующими законами: количество населения имеет тенденцию к увеличению до предельного уровня его обеспеченности природными ресурсами, при заданном уровне развития ремесел и для заданного уровня жизни. Рост населения находится в прямой зависимости от уровня развития ремесел и в обратной – от уровня жизни. В этом содержится наиболее широко распространенное и определяющее условие развития человека – отношение количества людей, находящихся на определенном уровне развития ремесел, к земле, находящейся в их распоряжении. Именно в таких фундаментальных факторах мы должны искать объяснение войне.

Борьба за жизнь всегда велась не индивидуально, но в группах. Как бы далеко мы ни ушли в изучении истории человечества, мы всегда можем найти свидетельства жизни в группах различного вида, и получается, что люди очень рано осознали преимущества объединения. У человека были определенные потребности, или интересы, которые было легче достичь, существуя в группе. Самнер выделяет четыре «основных мотива человеческих действий», каждый из которых должен быть удовлетворен. Это голод, любовь, тщеславие и страх перед духами – первичные факторы социализации. Главным из них является голод. Объединение в группы оказывало большую поддержку в борьбе за выживание, поскольку оно позволяло совершать действия, недоступные отдельным индивидам, и позволяло избежать бесполезных усилий. Оно обеспечивало экономию путем применения разделения труда и защищало от жизненных невзгод. Объединение подразумевало определенные ограничения, но преимущества объединения намного их превосходили. В данном случае мы видим «антагонистическую кооперацию», суть которой заключается в «объединении двух человек или групп с целью удовлетворения общих интересов, когда менее значительные противоречия или противоположные интересы подавляются».

Благодаря совместной борьбе за жизнь каждый человек по отдельности выигрывал от опыта, приобретенного другими. «Следовательно, существовала согласованность действий для достижения того, что будет являться более целесообразным. Все, в конце концов, перенималось с одной и той же целью и одним и тем же способом, следовательно, эти способы становились обычаями и превращались в массовый феномен». Самнер определяет это как нравы. Более молодое поколение перенимает от старших их опыт через имитацию или внушение. После смерти старейших их наставления усиливаются страхом перед духами: «Духи предков будут сердиться, если ныне живущие изменят старинным обычаям». Когда к данному положению добавляется убеждение, что соблюдение обычаев является залогом социального благополучия, уважение к ним поднимается на новый уровень, и эти обычаи становятся определяющими для всего образа жизни. Мораль во все времена олицетворяла групповую борьбу

за существование и политику достижения благосостояния; это, в техническом смысле этого слова, показатель культурного уровня группы.

Борьба за существование – это процесс, в котором участвуют группа людей, с одной стороны, и природа – с другой. Группа нацелена на то, чтобы получить от определенной среды то, что ей необходимо для поддержания своего существования. В этом процессе активно участвуют все члены группы, которые находятся в тесном сотрудничестве и разделяют общие обычаи. Но для выживания каждой группе приходится сражаться не только с природой, но и с любой другой группой, с которой она вступает в контакт: появляется конфликт интересов и, как следствие, враждебность, и, когда разрешение таких конфликтов происходит силовым путем, мы называем это войной. «Такое соперничество может быть легким и незначительным, если в наличии имеется большое количество ресурсов, а население невелико, или, напротив, может быть жестким и связанным с многочисленными случаями насилия, если большое количество людей сражается за крайне ограниченное количество ресурсов». Подобный конфликт называется борьбой за жизнь. Именно борьба за жизнь является причиной войны, и именно поэтому война всегда существовала и, если не будут найдены другие средства урегулирования, всегда будет существовать.

Примитивное общество состоит из небольших групп, каждая из которых занимает определенную территорию. Размер группы определяется условиями борьбы за существование, и внутренняя структура группы соответствует ее размеру. Другими словами, «группа появляется как совокупность индивидов, ограниченная по размеру ее культурным уровнем и окружающей средой». Отношения между группами, в случае если они не были обусловлены соглашениями или особыми условиями, – это отношения враждебности и войны. Вне группы жизнь человека находится в опасности, потому что в таком случае он является чужаком (для всех групп), а чужой равносителен врагу. Как сказал Тэйлор, «существовавшее раньше положение дел хорошо иллюстрируется латинским словом *hostis*, которое, изначально обладая значением «чужак, незнакомец», совершенно естественным образом стало иметь значение «враг». Чужак не является членом племени, а несоплеменник – это реальный или потенциальный враг. Это чувство чрезвычайно развито у примитивных племен, которые либо убивают всех чужаков, либо относятся к ним с подозрением. Этнография предоставляет множество свидетельств правдивости данного утверждения; некоторые типичные иллюстрации приведены ниже.

Керр пишет об австралийских аборигенах: «Незнакомцы неизбежно смотрят друг на друга как на смертельных врагов», и австралийцы никогда не преминут «убить всех чужаков, которые попадают им в руки». То, что фон Пфейл говорит о племени канака с архипелага Бисмарка, относится ко всем меланезийцам. Он пишет: «Любой человек из деревни, расположенной за пределами маленького района, который люди канака считают своим домом, расценивается как чужак, а следовательно, враг. Существование вне родной группы столь небезопасно, что «ни один канака не может без риска для жизни попытаться посетить район, где обитает племя, с которым его родная группа не находится в очевидно дружеских отношениях».

В Африке существует такое же положение дел, усугубленное рабством и каннибализмом. «В Африке есть места, – говорит Макдональд, который прожил там двенадцать лет, – где трое мужчин не могут отправиться вместе в путь из-за страха того, что двое из них объединятся и продадут третьего». О ба-гуана говорят, что «они убивают и съедают любого, кто попадает в их руки». Эта практика распространена и во многих других регионах Черного континента. Описывая условия жизни в Восточной Африке в 1850 году, Дандас утверждал: «Говорят, что в то время ни один человек не уходил далеко от своей деревни в одиночку; никто не мог пройти нескольких миль без того, чтобы не столкнуться с людьми, высматривающими, кого бы ограбить или убить». Другие авторы говорят о жителях Восточной Африки как о подозрительных людях, не доверяющих никому из чужаков. В Британской Центральной Африке, если человек посещал деревню, в которой его не знали, он подвергался риску быть обращенным в рабство,

даже если принадлежал к тому же самому племени. Коренные жители Нигерии могут приветствовать и развлекать гостей, но эти гости на следующий день по дороге будут ограблены или проданы в рабство. Сложность путешествий по Конго красочно описана Уиксом, который утверждал, что «мужчины и женщины, путешествующие в одиночку, вдвоем или втроем там, где их не знают, подвергаются риску быть схваченными и проданными в рабство. Подобные незащищенные путешественники прячутся днем и продвигаются к пункту своего назначения только ночами».

Такое положение дел породило интересный обычай, распространенный в племени бангала, который заключался в том, что «когда каноэ, в котором плывут шесть и более человек, приближается к городу, они должны бить в барабан и петь, чтобы уведомить население о своем прибытии; в противном случае их примут за врагов и атакуют. Напротив, приближение каноэ чужаков из соседних городов или районов, не сопровождавшееся барабанами или пением, воспринималось как военное действие. Если они идут с миром, то почему боятся бить в барабаны и петь?». Коренной житель племени лунда (балунда) посоветовал Ливингстону при приближении к деревне высылать вперед гонца. Ливингстон обнаружил, что подобная мера обеспечивала более мирный прием, о своей прежней привычке приходить без уведомления он говорит: «Я иногда входил в деревню и вызывал неумышленную тревогу. Аналогично в древние времена разрисованный дикарь-бритт, приближаясь к деревне, трубил в рог, чтобы предупредить поселенцев о своем прибытии; в противном случае он воспринимался как враг, который пытался подкрасться к ним хитростью».

Даже дружелюбно настроенные эскимосы «относятся к чужакам с большим или меньшим подозрением, а в древние времена незнакомцы обычно приговаривались к смерти». То же самое наблюдалось у американских индейцев. К примеру, Кремони пишет, что «индейцев апачей с малых лет учат относиться ко всем остальным людям как к естественным врагам». Это в большей или меньшей степени свойственно всем индейским племенам, а в особенности сери. Многие племена, живущие в долине Амазонки, настолько враждебны ко всем чужакам, что о самих этих племенах мало что известно.

Свидетельства враждебности к чужакам могут быть найдены даже в истории цивилизованных античных народов – римлян, греков и других, несмотря на то что в целом такая практика не была широко распространена. Греки гомеровского периода не были настолько дикими, чтобы воспринимать всех чужаков как врагов, но пережитки существовавшего ранее положения дел просматриваются, например, в истории царя Эхета, который убивал всех чужаков, или в мифах о циклопах и лестригонах, которые безжалостно пожирали всех гостей. Похожие случаи из жизни диких племен и цивилизованных народов являются легкодоступными, однако приведенных выше иллюстраций должно быть достаточно.

Такое же чувство враждебности многие испытывают по отношению к европейцам. Австралийцы с тревогой наблюдали за прибытием европейцев и выказывали явное дикое желание «убить всех белых чужаков при первом же появлении среди них». Когда капитан Кук открыл (в 1774 году) остров Дикареи (или Дикарий – *Sacage* – о. Ниуэ в Полинезии – к востоку от о-вов Тонга и к югу от о-вов Самоа. – *Ред.*), он посчитал невозможным налаживание отношений с аборигенами, которые выбежали ему навстречу с «напористостью диких кабанов», а когда Тернер посетил этот остров позднее, «вооруженная толпа хлынула, чтобы убить его». Те, кто путешествовал по Африке, говорили о похожем отношении, и лишь позднее стало известно, что подозрительность аборигенов была частично основана на печальном опыте, так как большое число коренных жителей было похищено европейскими работорговцами. Рот собрал большое количество свидетельств того, как уроженцы Африки изначально относились к европейцам, и пришел к следующему выводу: «Все это доказывает, что первобытные народы, как правило, не склонны встречаться с чужестранцами, все равно к какой цивилизации они принадлежали».

лизации и какому уровню развития они принадлежат, хотя есть несколько примеров, когда чужаков встречали по-настоящему дружелюбно».

Описанное выше положение дел стало причиной изоляции примитивных племен, их неосведомленности о жизни друг друга и значительных различий в обычаях. Так, в Восточной Африке, где аборигены не могут путешествовать без риска быть ограбленными или убитыми, обыватель «ничего не знает о стране, за исключением места его непосредственного проживания... Туземцы, жившие рядом, оставались абсолютно чужими друг другу». Наш эксперт Дандас, колониальный администратор с большим опытом, говорит, что ему известны подобные примеры, даже когда деревни находились в получасе ходьбы друг от друга. Бок упоминает о добровольной изоляции, в состоянии которой живет племя пунан на острове Борнео (Калимантан), тогда как на севере Австралии уединенность племен явилась причиной сохранения их примитивного состояния до нынешнего дня. Туземцы Новой Гвинеи живут настолько обособленно, что «на расстоянии в триста километров от острова Йела (иначе о. Рассел – на востоке архипелага Луизиада. – *Ред.*) до пролива Чайна (у юго-восточной оконечности о. Новая Гвинея, за ним – архипелаг Луизиада. – *Ред.*) говорят по меньшей мере на двадцати пяти языках». В качестве иллюстрации того, насколько широко распространена система недопущения чужаков на свою территорию, фон Пфейл говорит: «Та часть полуострова Газель (на острове Новая Ирландия в архипелаге Бисмарка), которая нам известна, заселена очень слабо, но при этом она разделена не менее чем на двадцать районов, в каждом из которых говорят на своем диалекте одного и того же языка, отличающихся настолько, что, хотя жители двух соседствующих районов еще могут понимать друг друга, поселенцы из более отдаленных друг от друга мест вряд ли смогут общаться друг с другом, если им доведется встретиться».

Постоянная враждебность в отношениях с соседями настолько повлияла на условия жизни племен, живущих в лесистых горах (отроги Араканских гор, до 3014 м высоты. – *Ред.*) в Индии, что достаточно пройти очень небольшое расстояние для того, чтобы найти носителей языка столь измененного, что сельские общины с трудом понимают друг друга. Из-за изоляции в этих племенах также развились четкие материальные различия практически во всех сферах. На Иелебесе (остров Сулавеси) относительно недавно многие дикие племена были настолько изолированы из-за постоянной враждебности по отношению друг к другу, что у каждого из них был свой диалект. Похоже также, что меланезийцы в целом разбиты на враждебные племена, не имеющие друг с другом никаких отношений и говорящие на стольких языках, сколько там всего есть племен. У полинезийцев, которые поддерживали между собой более-менее дружеские отношения, напротив, один язык распространен на всей группе островов. Когда испанцы открыли северо-западные земли Южной Америки, они нашли племена, жившие в абсолютной близости, но при этом говорившие на разных языках.

Позднее мы увидим, как только что описанные условия влияют на взаимоотношения между племенами, сложности ранней торговли и другие важные для уменьшения войн вопросы. Барьер на пути к дружеским отношениям в примитивном обществе был настолько велик, что Ратцель (Фридрих Ратцель, 1844 – 1904, крупный немецкий географ и этнограф, один из основателей антропогеографической научной школы, считающей ведущим фактором развития человеческого общества географическую среду. Теории Ратцеля оказали большое влияние на основателей культурно-исторической научной школы и геополитики как науки. – *Ред.*) сказал: «Самым важным шагом на пути от дикости к культуре является постепенное освобождение человека от полной или временной сегрегации или изоляции».

Приведенные выше примеры доказывают, что отношения между племенами – это отношения изоляции, подозрительности и враждебности. Однако внутри племени ситуация была совершенно противоположной. Даже если иногда внутри племени случались классовые конфликты, у членов группы существовал общий, разделяемый всеми интерес, заключающийся в защите от любой другой группы. Это естественный побочный эффект борьбы за жизнь.

Каждая группа ведет борьбу за выживание, и все ее участники заинтересованы в этом. Но в этой борьбе интересы группы входят в противоречие с интересами других групп, и отношения между такими группами, как мы видим, – это отношения враждебности и войны. При этом противоречия в интересах групп в процессе борьбы за существование ведут к более тесному сближению внутри каждой группы. Так появляются различия между родным для кого-то племенем и всеми остальными – между понятиями «внутри группы» или «наша группа» и понятиями «не наша группа» или «вне группы». Различные чувства, таким образом, сводятся к двум – у членов «нашей группы» и внутри ее царят мир и взаимопомощь, а все, что находится вне группы, вызывает ненависть и враждебность.

Эти отношения взаимосвязаны. «Необходимость в войнах с соседями является залогом внутреннего мира, а внутренние противоречия неминуемо ослабят группу во время войны. Эта необходимость также формирует систему управления и законы внутри группы, которые призваны предотвращать ссоры и обеспечить дисциплину. Так как война и мир влияют друг на друга, они способствуют взаимному развитию мира внутри группы и состоянию войны в межгрупповых отношениях. Чем ближе соседи и чем они сильнее, тем интенсивнее идет развитие внутренней организации и дисциплины каждой из соседних групп.

Члены каждой группы связаны общностью интересов, родством, общей речью, религией, обычаями и образом жизни. Самым главным видом родственных отношений для примитивного (первобытного) человека было родство крови; в большинстве случаев тот, кто не являлся кровным родственником, автоматически считался чужаком и врагом. На самом деле примитивное общество строилось на двух главных принципах: единственные реальные узы – это узы крови, а цель общества – объединение для ведения наступательной или оборонительной войн. Эти два принципа соединяются в законе кровной вражды в теории, согласно которой все кровные родственники вставали на сторону участника ссоры, если он был их соплеменником. Это называлось племенной ответственностью, характеризующей все примитивные сообщества. То, что Нассау писал о населении Западной Африки, может быть справедливо и в более широком смысле: «Каждая семья была связана племенной ответственностью за преступления своих соплеменников. Каким бы недостойным ни был человек, его «люди» вставали на его сторону, защищали его и даже признавали его действия правыми, какими бы несправедливыми они ни были на самом деле. Как бы ни был виновен человек, он мог потребовать для себя защиты. Даже если преступление было столь серьезным, что и собственные соплеменники признавали его вину, они не могли по этой причине отказаться от ответственности. Даже если такой человек заслуживал смерти и с него требовали выкуп, они должны были уплатить его. Не только его богатые родственники, но и вообще все способные помочь должны были это сделать». О том, как кровная месть вкупе с коллективной ответственностью вела к непрекращающимся войнам, будет рассказано в следующей главе.

Как мы выяснили, внутренний мир и порядок должны господствовать для того, чтобы группа могла выступить против врага единым фронтом, внутри же группы ссоры и возникающие трудности должны улаживаться быстро и мирно. Так появляются права, законы и институты, ставшие следствием тех условий, которые сделали человека воинственным по отношению к иностранцам. Самнер определял права как «правила общей добычи и распределения в условиях борьбы за жизнь, которые распространялись на всех соплеменников с той целью, что мир (внутри группы, племени, народа) должен превалировать, чтобы сделать силу племени постоянной». Право на жизнь – один из таких примеров. Как и все права, первоначально оно было выражено в форме табу «не убий». Тем не менее оно распространялось только на соплеменников. Напротив, убивать чужаков было разрешено (и даже достойно одобрения), но внутри группы убийства следовало запретить, чтобы обеспечить существование группы и ее единство перед угрозой внешнего врага. Собственность позднее также попала под охрану; закон «не кради» также распространялся только на имущество соплеменников. Все права создавались

именно на таких условиях; они в действительности могли развиваться только внутри группы, которая одновременно являлась мирной группой. Позднее будет показано, как мир, развивающийся внутри каждой группы, с течением времени распространяется вместе с расширением ареала племени. Здесь мы более подробно остановимся на отношениях, существовавших внутри одной группы в их противоположности к тому, как относились к членам другой группы и как это вело к межплеменным войнам. Есть два моральных кодекса, две формы обычаев: одни – для соплеменников, а другие – для людей извне, но все обычаи исходят из одних и тех же интересов. Разрешено и похвально убивать и обворовывать чужаков, осуществлять кровную месть, красть чужих женщин и рабов, но ничто из вышеперечисленного не может быть разрешено внутри группы, так как это ведет к раздорам и ослаблению. Индеец сиу, чтобы стать храбрым, должен был убить человека, а коренной житель Борнео (остров Калимантан) даяк должен убить для того, чтобы ему было разрешено жениться. И все же, как говорил Тэйлор, «между собой сиу признают убийство человека преступлением, за исключением случаев кровной мести; жители Борнео аналогично карали за убийство. Такое положение вещей не являлось противоречием, его объяснение на самом деле заключалось в одном слове – «племя». Племя создает свои законы не для того, чтобы признать человекоубийство правильным или нет, а для того, чтобы с их помощью способствовать сохранению племени. Существование племени зависело от его способности выжить в условиях борьбы с соседними племенами, и это стало социальной основой для укрепления мужества воинов племени в борьбе с врагами. Убийство врага в открытой схватке не просто считалось правомерным, древний закон рассматривал убийство соплеменника и убийство чужака как преступления совершенно разного порядка, тогда как убийство раба считалось всего лишь посягательством на собственность. Даже сейчас (1920-е гг. – *Ред.*) колонизаторы на деле не считают убийство индейца или негра столь же тяжелым проступком, как убийство белого поселенца. История взглядов на воровство и грабеж развивалась частично схожим образом. На низком уровне цивилизации заповедь «не кради» была известна, но она применялась только по отношению к соплеменникам и друзьям, а не к чужакам и врагам».

Насколько широко распространенным было разделение на своих и чужих, можно увидеть из следующих примеров. Эллис писал о полинезийцах, что «воровство практиковалось, но гораздо чаще к прибывшим извне, чем к своим соплеменникам». Томсон отмечает, что в вопросе лжи существовало четкое разграничение: «Обмануть своего вождя считалось преступлением, однако идеи, подобные тем, какие Одиссей использовал по отношению к своим врагам, считались если не добродетелью, то, по крайней мере, поводом к общему восхищению. Принцип «в любви и в войне все средства хороши» применялся буквально. Более почетным было договориться о союзе, а потом предательски ударить союзникам в спину, чем проявлять ненужную храбрость».

Двойная мораль нашла свое отражение и в примитивных верованиях. Так, уроженцы острова Ниуэ верили в то, что люди добродетельные достигают Вечного Света, а те, кто творит зло, попадают во Тьму. «Добродетелями считались доброта, отзывчивость, воровство у другого племени и убийство врага; грехами – воровство у соплеменника, нарушение соглашения или табу, трусость и убийство в мирное время». Освящая обычаи данного времени, религия в целом была постоянным стимулом к войне между первобытными народами.

Различия между своими и чужими проявлялись также в формах ведения войны, в зависимости от того, была ли это ссора между родственниками и затрагивала ли она связи семьи, или она касалась чужаков либо потомков других народов. В племенах маори, Новая Зеландия (народ маори делился на племенные группы, «вака», а те, в свою очередь, на племена, «иви», возглавлявшиеся вождями. Племя («иви») делилось на родственные группы – «хапу». – *Ред.*), в первую очередь важны были предупредительные меры, а «война ножей» была второстепенной. Вопросы войны с соплеменниками издавна подлежали урегулированию, тогда как по отноше-

нию к другим были применимы все возможные средства. Два подхода к войне и их развитие будет исследовано позднее. У австралийцев есть два «набора» обычаев: один – для товарищей по племени или друзей, а другой – для людей извне или врагов. «Между мужчинами племени есть стойкое ощущение принадлежности к братству, и человек и в горе и в радости, в случае необходимости, всегда может рассчитывать на помощь всего племени», но относительно чужаков главным чувством является застарелая ненависть, и в отношениях с ними все методы считаются законными. Похожим образом у аборигенов Торресова пролива (между Австралией и Новой Гвинеей) «считалось почетным подвигом убивать чужеземцев – не важно как, в честной борьбе или путем предательства, и честь и слава являлись спутниками тех, кто приносил домой черепа жителей других островов, убитых в бою». Здесь можно проследить появление элемента тщеславия для того, чтобы придать обычаям дополнительную силу; подтверждение этому может быть найдено на примере военного дела. Уроженцы гор Чин в Мьянме (Бирма, раньше в составе Британской Индии. – *Ред.*) признавали два вида воровства: «воровство, совершенное жителем той же деревни или человеком, принадлежащим к тому же племени, и ограбление, совершенное в отношении представителей других племен». Капитан Батлер говорил о племени ангами (СевероВосточная Индия), что друг с другом они очень честны и достойны доверия, однако по отношению к чужакам они «жадны до крови, вероломны и чрезвычайно мстительны».

Среди аборигенов Африки может быть найдено большое число подобных примеров, некоторые наиболее типичные из которых здесь упомянуты. Камминс пишет о племени динка (на юге Судана): «Любые добродетели, которые присутствуют в отношениях между членами одного сообщества, полностью теряют свое значение в отношениях с иноплеменниками. В таких отношениях главным является право силы и право тех, кто ею обладает. Подобное положение вещей, бесспорно, справедливо в отношении всех диких сообществ, но подобные же примеры могут быть найдены и в истории цивилизованных народов. Во взаимоотношениях между членами внутри группы в чести были правила справедливой игры, но обычаи, регулировавшие отношения между группами и народами – международные обычаи или законы, – развиты очень плохо.

Багешу, если верить Роско, прожившему среди них много лет, «вероломны и очень недоверчивы по отношению ко всем людям, не состоящим в их клане», а Станнус говорит об аборигенах Британской Центральной Африки, что «воровство у других племен, безусловно, одобрялось». У нигерийских племен Западной Африки считается «неправильным обворовывать своего соплеменника, особенно из того же самого города, даже если он недостаточно силен для того, чтобы наказать вора, но обворовать чужака не считается преступлением». Уикс говорит о племени бангала, живущем в верховьях реки Конго: «В отношениях с чужаком не будет считаться неправильным обворовать, избить, оскорбить или даже убить, если только он не пришел навестить кого-либо в городе». На практике, если бангала «обворует чужака и продаст ему его же имущество, все соседи будут восхищаться таким бангалом и считать его умным и проницательным человеком, но если он ограбит своего соседа, предварительно не заплатив ему, он будет публично осужден и назван человеком, обладающем дурными привычками».

Даже мирные гренландцы (эскимосы. – *Ред.*), естественная среда обитания которых воспитала в них уважение к честности и взаимному доверию, которые редко лгут и никогда не воруют друг у друга, по-другому расценивают свои обязательства по отношению к чужакам, особенно если они другой расы. «Мы должны помнить, – пишет Нансен, – что иностранец для него (эскимоса. – *Ред.*) – это не имеющий особого значения объект, чье благополучие для него является пустым звуком, и гренландцу не важно, может ли он положиться на чужака или нет, так как ему не надо жить бок о бок с ним». При этом он вряд ли сочтет неприличным присвоить себе что-нибудь из имущества чужака, если оно покажется ему полезным». Похожее положение дел наблюдается у племени атов (Британская Колумбия), где «предмет, отданный на

хранение индейцу, находится в абсолютной безопасности, при этом воровство является обычным делом там, где затрагивается собственность других племен или белых людей». Банкрофт писал об индейцах нутка (несколько мелких племен, заселяют западный берег о. Ванкувер, Канада, и м. Флаттери, США. – *Ред.*): «Воровство у них не распространено, за исключением воровства у чужаков». Это утверждение может быть применено ко многим другим племенам. Среди арауканов (арауканцев) Южной Америки «грабеж является частью повседневной жизни индейцев... Регулярно предпринимались вооруженные набеги на соседние деревни, и так поддерживалось постоянное состояние войны, но внутри клана воровство было запрещено, и все считалось общим».

В отношении древних германцев известное утверждение Цезаря свидетельствует о том же самом: «Грабеж вне пределов племени не влечет бесчестия, но расценивается как способ тренировки молодежи и уменьшения затрат». Робертсон Смит писал об арабах: «Если человек был виновен в убийстве соплеменника, наказанием была смерть, и его ближайшие родственники не предпринимали попыток спасти его, но все племя вставало за спиной человека, убившего чужака, даже если убитый принадлежал к братскому племени».

Объяснение того, почему первобытный человек отделял свою группу от других, кроется в восприятии своего племени как центра всего и в привычке взвешивать и оценивать все через отношение к племени. «Каждое племя, или настоящая национальная единица, считало себя превосходящим все другие, а свою культуру – лучшей». Такому взгляду на мир было дано определение «этноцентризм». Самнер говорит: «Каждая группа лелеяла собственную гордость и добродетели, хвасталась своим превосходством, превозносила собственных божеств и смотрела на всех чужаков с презрением. Каждая группа считает свою мифологию единственно верной, и, если выясняется, что у других племен существует иное религиозное мировоззрение, это только усиливает их презрение. В адрес иноверцев употреблялись различные оскорбительные эпитеты – «свиноед», «коровоед», «необрезанный», «болтун» – эпитеты, выражающие презрение и отвращение». Когда борьба за жизнь приводит к возникновению контактов между группами, их обычаи становятся источником противоречий, что ведет к усилению противостояния. Таким образом, фактор этноцентризма, или группового эгоизма, который «ведет народ к преувеличению значимости собственных обычаев, которые являются уникальными и отличают их от всех других», является важной причиной войны.

Если изучить самоназвания племен, можно увидеть, что большинство из них означают «люди», что подразумевает, что «только мы – люди», тогда как все остальные – это что-то иное, иногда неопределенное, но не настоящие люди. Некоторые примеры, собранные случайным образом, включены в приложение А. Тенденция племен возвышать себя по сравнению с другими, без сомнения, применима и к более развитым племенам. Евреи, например, считают себя народом избранным, в отличие от других народов. Греки и римляне называли все остальные народы «варварами». Слово *deutsch* первоначально означало «люди». Саамы называли себя «людьми» и «человеческими существами». Арабы считали и считают себя наиболее благородной нацией, а остальных – в большей или меньшей степени варварами. Подобное чувство не исчезло и сегодня даже у цивилизованных народов. Каждое государство считает себя верхом цивилизации, самым лучшим, свободным и мудрым, а остальных – «низшими». Национальная гордость и патриотизм с легкостью превращаются в манию величия, шовинизм и заносчивое презрение ко всем иностранцам. Пока торжествует этноцентризм, мир будет исключением, а война – правилом.

Глава 3

ВОЙНА – ЗАНЯТИЕ ОДНОГО ПОЛА

То, что человек – homo – существо двуполое, является фундаментальным фактором в истории человечества. «Разделение рода человеческого на два пола, – говорил Самнер, – самый главный из всех антропологических фактов». Влияние этого факта прослеживается во всей социальной структуре. Оно проникает в каждую сферу человеческой деятельности, и особенно это очевидно в военном деле, которое поглощает такую большую часть человеческого времени и интересов. Война – это занятие половины человечества; это обусловлено борьбой за выживание и природой.

Два пола принципиально разные во многих аспектах. Физиологически они различаются по строению тела и функциональности. Также заявляется о существовании определенных психологических различий, но здесь все не настолько ясно. В общих чертах женщины представляются более пассивными, трудолюбивыми, они легче адаптируются к рутинным занятиям; мужчины, в свою очередь, более активны, воинственны и склонны к порывам, требующим напряженной деятельности. В какой степени эти различия являются врожденными, а в какой – необходимыми или обусловленными культурой, вопрос спорный. Конечно, различия в социальной роли полов усугублялись на протяжении всей истории культуры, и особенности в ощущениях и характере должны объясняться именно этим, если не на еще более фундаментальном уровне. Интересы полов противоположны, и их жизнь сопровождали различные обычаи. Но какова бы ни была природа этих вторичных половых различий, разница между первичными признаками непреодолима. Женщины вынашивают и выхаживают детей. Более того, они обычно физически меньше мужчин, даже если принадлежат к одной и той же расе. Хотя расовая принадлежность оказывает определенное влияние на физические различия между двумя полами и хотя эти различия менее значимы в примитивных сообществах, нежели у цивилизованных народов, этот факт все равно имеет огромное значение.

Разделение труда между мужчинами и женщинами основано на физическом различии между полами. Не доказано, что вся эта специализация обусловлена физиологическими характеристиками полов, потому что в некоторых аспектах разделение труда возникает случайно, но в широком фундаментальном смысле половые различия являются определяющим фактором. Представители двух полов дополняют друг друга и в равной степени способны и на специализацию, и на сотрудничество. Союз мужчины и женщины больше подходит для объединения в борьбе за существование, чем союз двух мужчин или двух женщин, так как в первом случае занятия и природные возможности двоих людей дополняют и поддерживают друг друга. Помимо этого в основе разделения труда по половому признаку лежит естественная необходимость. Хавлок Эллис подводит такой итог сложившейся ситуации: «Занятия, которые требуют силового развития мускулов и костей, следствием чего является способность к периодическим выбросам энергии, сменяющимся периодами отдыха, ложатся на плечи мужчины; уход за детьми и всевозможные виды производства, которые связаны с поддержанием домашнего очага и во время которых расход энергии более продолжителен, но происходит при меньшем напряжении сил, становится уделом женщин. Это общее правило». Следовательно, разделение труда в первобытных сообществах было следующим: мужская работа – охотиться, ухаживать за скотом и сражаться, тогда как большая часть остальных занятий становится уделом женщины. Другими словами, «военная сторона первобытной культуры принадлежит мужчине; созидательная – женщине».

В разделении труда присутствует также элемент силы, который сам по себе является следствием половых различий. Используя свое физическое преимущество и свободу от некоторых

трудностей, характерных для противоположного пола, а также дисциплину и организацию в процессе преследования диких животных, разведения скота и в военном деле, мужчина рано начал принуждать женщину выполнять работу для него неприятную, и таким образом, как говорит Кроули, подчинение женского пола становится одним из основных факторов человеческой истории. Когда Робертсон утверждал, что жена мужчины из племен кафир (кафиры – группа племен (кати, вей, кам, пресун и др.), живущих в горных районах северо-востока Афганистана и близлежащих районах Пакистана. – *Ред.*) является «абсолютной рабой по отношению к своему супругу», он описал ситуацию, характерную для всех первобытных народов в целом, хотя там и здесь встречаются примеры, когда женщины в меньшей степени страдали от ограничений и даже могли занимать важные позиции в отпавлении культа и в правящем слое.

Спенсер считает, что чем более воинственна группа или племя, тем сильнее в нем проявляется дискриминация женщины. Положение женщин было сравнительно легче там, где их занятия были примерно такими же, как у мужчин. Но это обычно не касалось тех племен, где мужчины были очень воинственны, так как война – хотя в этом были исключения – определено мужское занятие. Таким образом, положение женщины гораздо ниже в милитаризованном обществе, чем в индустриальном, и оно постепенно улучшается в процессе перехода от милитаризма к индустриализму.

Несколько типичных примеров занятий представителей разных полов помогут обозначить природу разделения труда по половому признаку среди первобытных народов. «Мужчина охотится, ловит рыбу, сражается и охраняет, – сказал один австралийский курнай (племя аборигенов, обитавшее на южном побережье Австралии между мысом Саут-Ист-Пойнт и мысом Хау (к востоку от Мельбурна). – *Ред.*), – все остальное – женское дело». Это утверждение может быть применено к практически всем дикарям. Курр говорит обо всех австралийцах в целом: «Обычное занятие мужчин – изготовление оружия и средств производства, охота, рыболовство, при необходимости – война. Женщины обычно запасают и готовят овощи, иногда ловят рыбу, собирают хворост для костра, изготавливают сети и корзины для племени. На марше жена несет младших детей и домашнюю утварь на своей спине, в ее правой руке – крепкая остроконечная палка 5 футов (1,5 м) в длину, с помощью которой она отрывает корни, а в левой – зажженный факел, сделанный из дерева или коры». Мужчина идет налегке, неся только свое оружие.

На островах Марри (в Торресовом проливе, близ северного австралийского п-ва Кейп-Йорк. – *Ред.*) «обязанности мужа состояли из сражений, рыбной ловли, строительства домов, подготовки пашни и тому подобного, тогда как в обязанности жены входило содержание пашни (сев и т. д.), добыча еды и воды и обычные домашние обязанности». Следует особо отметить, что вся сельскохозяйственная работа, за исключением наиболее тяжелых занятий, ложилась на плечи женщины, так как мужчины пренебрегали ею из-за монотонности, тяжести и неприятности. В западных племенах Торресево пролива, отмечал Хаддон, «занятия мужчин и женщин различались; мужчины ловили рыбу, сражались, строили дома, немного занимались огородничеством, изготавливали рыболовные сети и крючки, копы и другие орудия, конструировали маски для танцев, головные уборы и все личные предметы для различных церемоний и танцев. Они исполняли все ритуалы и танцы и в добавление ко всему уделяли большое количество времени тому, что расхаживали с важным видом, обменивались слухами и бездельничали. Женщины готовили еду, выполняли большую часть сельскохозяйственных работ, собирали моллюсков, ловили на копы рыбу на рифах, шили юбки, вязали корзины и рогожи». На острове Борнео (Калимантан) в племенах даяков (коренные жители острова) все сельскохозяйственные занятия были оставлены женщинам и детям, тогда как «здоровые мужчины искали другие, более увлекательные занятия – либо выходили на тропу войны, либо путешествовали по отдаленным местам, либо углублялись в поисках добычи в джунгли».

Похожая ситуация существовала в Центральной Африке, где «мужчины не занимаются тем, что не связано с преследованием диких зверей (или скотоводством) или с изготовлением орудий труда. Вся сельскохозяйственная работа выполнялась женщинами». Макдональд подтверждает данный факт. «В африканской деревне, – пишет он, – вся работа выполняется преимущественно женщинами; они обрабатывают поля, сеют зерно и собирают урожай. На них также ложится весь труд по строительству жилья, перемалыванию зерна, пивоварению, приготовлению пищи, стирка и забота практически обо всех материальных нуждах сообщества. Мужчины ухаживают за скотом, охотятся, воюют и, что достаточно любопытно, шьют всю необходимую одежду». Обобщая все свидетельства, Леторно говорит: «Повсеместно в Африке мужчина – это охотник, воин».

Результатом того, что женщины занимались большей частью ручным трудом, в особенности сельским хозяйством, и становились матерями в раннем возрасте, было то, что они «быстро утрачивали бодрость молодости, а их лица и фигуры преждевременно старели, тогда как мужчины сохраняли подтянутую фигуру, упругую походку и мужественность и в среднем возрасте». Так как наука ведения сельского хозяйства и большая часть искусств находились в руках женщин, это знание распространялось путем кражи женщин или их захватом во время войны. Культура развивалась как побочный продукт войны.

Спикс и Мартиус говорили о бразильских индейцах, что «пока мужчины были заняты преследованием диких животных, войной и изготовлением оружия, забота обо всем, связанном с ведением домашнего хозяйства, ложилась на женщин». Подобные примеры типичны для разделения труда по половому признаку, и приводить их далее будет излишним; подобные примеры могут быть найдены во многих книгах, посвященных данному вопросу.

Исходя из вышеизложенного можно предположить, что это разделение труда по половому признаку появилось по большей части путем принуждения. Но это является правдой лишь отчасти: большая часть особенностей в занятиях полов была вызвана необходимостью и образом жизни, и распределение занятий на самом деле было более справедливым, чем может показаться. К примеру, многие первобытные племена являлись кочевыми, что влекло за собой необходимость транспортировки домашней утвари, а также воинственными; следовательно, женщина должна была нести всю ношу для того, чтобы оставить мужчину свободным от такого груза и готовым к отражению каких-либо внезапных проявлений враждебности. Когда индейцы южноамериканского племени канелос передвигались, «мужчина всегда шел первым с копьем в руке и перьями на голове, тогда как жена смиренно следовала позади, неся, как грузовая лошадь, фрукты, часто к тому же с одним ребенком за спиной и другим, хнычущим у пят». Парагвайское племя ленгуа также являлось кочевым, и оно часто совершало переходы по 10 – 20 миль (16 – 32 километра) в день. Во время марша женщины несут всю домашнюю мебель, горшки, кувшины с водой, шерсть и шкуры в большой плетеной сумке, поддерживаемой шестом. В своих руках женщина несет палку-копалку, иногда тростниковый коврик, используемый в качестве крыши, а также, бывает, и кошку, домашнюю птицу или иное прирученное животное, а сверху сидит малыш. Мужчина идет впереди, не неся ничего, кроме своего лука и стрел, кроме того, во время похода он добывает еду и защищает свою семью.

Пинар, говоря о схожем принципе разделения труда у кочевых индейских племен Панамы, дает также объяснение приведенной выше ситуации: «Если наблюдатель немного подумает, он поймет, что хотя мужчина несет только свое оружие, именно на него ложится ответственность за безопасность своей жены и детей. Жизнь индейцев на самом деле полна опасностей: при пересечении саванны или леса следует в любой момент ожидать появления враждебно настроенного индейца, ягуара, змеи и тому подобного. Задача мужчины всегда быть начеку, и ему нужна свобода рук и движений для того, чтобы иметь возможность немедленно использовать свое оружие и защитить тех, кто ему дорог». Похожим образом в Африке, «когда мужчины путешествуют, то либо их жены, либо дети несут их котомки с одеждой, тогда как

мужчины вооружены и готовы к любой неожиданности или нападению, все равно – со стороны человека или дикого животного».

В тех случаях, когда племя являлось не кочевым, а оседлым и сельскохозяйственным по своей натуре, состояние длительной войны могло вызвать к жизни такое же разделение труда, когда мужчина выступает в качестве защитника. Индейцы пима в Аризоне, которые постоянно подвергались атакам со стороны воинственных апачей, представляют собой хороший пример. Расселл говорит о них: «Мужчин можно простить за то, что они позволяли женщинам выполнять определенные занятия по выращиванию урожая, которые обычно считаются уделом более сильного пола, особенно если мы узнаем, что данный образ жизни главным образом был обусловлен тем, что надо иметь возможность сохранить боеспособность сторожевых постов на длительное время и что вооруженная охрана была единственной гарантией защиты селений. Каждые три или пять дней маленькие группы численностью в пять – десять человек приходили красть домашний скот и убивать одиночек, которые уходили на небольшое расстояние от селений. Более крупные военные набеги происходили раз или два в месяц, хотя иногда проходили и более длительные периоды без визитов воинов апачей». Учитывая постоянное состояние войны, в котором находились племена, населяющие горы Чин в Индии (в настоящее время на западе Мьянмы (Бирмы). – *Ред.*), никто не был в безопасности и женщины работали в полях под охраной мужчин».

Мужчинам народности кикую, Британская Восточная Африка (ныне Кения. – *Ред.*), теперь нечем заниматься, так как принятый «Пакс Британика», запретивший войну, отнял у них их основное занятие – защиту женщин, работающих в поле. Прежде, даже в дни относительного мира, группу мужчин кикую всегда можно было увидеть на холме неподалеку, когда они, полностью вооруженные, наблюдали за малейшими признаками опасности, так как женщины теперь работают в полях без защиты, а мужчины совершенно ничего не делают. Такая же ситуация по-другому повлияла на жизнь бечуанов (западные судо). Запрет на применение оружия и ношение амуниции не только уменьшил количество столкновений, но также укрепил позиции женщин, так как мужчины теперь помогают им в сельском хозяйстве. Причина этого факта кроется в том, что мужчина никогда не позволял женщине ухаживать за скотом, а так как скот необходим для распахивания земли, мужчины теперь должны были выполнять тяжелую работу.

Приведенная выше связь между разделением труда и развитием военного дела зависит не только от уровня цивилизации, но и от ситуации, так как в недавнем мировом конфликте (т. е. 1914 – 1918 гг. – *Ред.*) женщины повсеместно выполняли тяжелые обязанности, к которым они были непривычны, тогда как мужчины были заняты уничтожением врага и защитой женщин.

Когда какой-либо процесс, вызванный к жизни естественными условиями, становится обычным и привычным, он делается частью обычаев и начинает восприниматься как единственно правильный, а ко всем остальным начинают относиться с презрением. Обычаи часто оттачиваются в поговорках и пословицах. «Мужчина должен пить, сражаться и охотиться, а удел женщин и рабов – работа» – так гласит поговорка индейцев сиу, а все жители гор Чин (в Мьянме) также стараются жить в соответствии с подобным утверждением. До того, как европейцы пришли в Новую Зеландию, аборигены (маори) смотрели на войну как на свое единственное занятие, а женщины и дети возделывали поля. «Тогда мы были здоровыми и сильными людьми», – сказал вождь маори, жалуясь на изменение ситуации. Жителей Новой Каледонии, находящейся под французским протекторатом и миссионерской деятельностью католической церкви, больше всего расстраивает то, что им запрещают сражаться. «Мы больше не мужчины, – говорят они, – так как мы больше не сражаемся».

Это утверждение типично для всех военизированных племен повсеместно и во все времена. Араб и сейчас сочтет унижительным заниматься физическим трудом. «Он по своей природе охотник, грабитель и воин, и после заботы о своем стаде он посвящает всю свою энергию

охоте за рабами и войне». Устами Одиссея Гомер говорит, что война – это достойная работа для мужчин с малых лет и до старости. Среди народов классического периода наиболее почетными занятиями считались сражения, управление и пророческие функции. Такова милитаристская теория сравнительной ценности социальных функций; она считает правильным и логичным взгляд на сражающихся мужчин как на господствующий и наиболее важный класс общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.